

Народный артист у мольберта

Неве с древними сфинксами у осенне-хмурой Невы. С взволнованно бьющимися сердцами переступили заветный порог. Так и есть, опоздали... Экзамены давно закончены. С окаменелыми лицами, безмолвные сидели волжане в холодной приемной ректора.

Но вот светлеют глаза юношей. В виде исключения им разрешили держать экзамен дополнительно. А через несколько дней объявили фамилии вновь принятых студентов Академии художеств:

— Ефанов Василий.

— Симонов Николай.

ИЗ САМАРЫ в Питер поезд тащился больше двух недель. То на крыше вагона, продуваемые осенними ветрами, то в донезья набитой людьми теплушке ехали эти веселые и неугомонные парни к берегам Невы. Были они совсем молоды; лезвие бритвы еще не касалось их почти мальчишеских лиц. И когда, наконец, товарный состав кое-как добрался до Петрограда, парни с котомками на спине, с маленькими плетеными корзиночками в руках веселой гурьбой вышли на площадь Восстания.

Было радостно, что, наконец, шагали они по улицам Петрограда. Но улицы эти обдали их дыханием сурового 1919 года, и парни шли по Невскому серьезные, молчаливые.

Вот, наконец, и огромный дом на

Так почти сорок лет назад начал свой путь в искусство Николай Константинович Симонов, один из замечательных советских актеров.

— Нет нужды описывать, что это были за тяжелые годы. Другой день крошечка хлеба почиталась за великое счастье. Но не замечал я ничего этого. Как говорится, насыщался искусством. Начал я заниматься у милого и забываемого Аркадия Александровича Рылова. Ах, какой это был художник, какой мастер русского пейзажа! Учиться у него было подлинным наслаждением, — вспоминает Николай Константинович.

— Все шло очень хорошо. Проучился я уже три года. Недалеко было и до окончания академии. Но в один день вся моя жизнь перевернулась вверх дном. Дело в том, что еще в Самаре я нередко участвовал в любительских спектаклях. Играл

андреевского Савву, потом Онуфрия из «Дней нашей жизни». В Питере на студенческих вечерах я тоже частенько выступал с чтением различных отрывков. «Ты бы, Николай, подучился малость, из тебя бы заправский артист вышел», — не раз слышал я от товарищей по академии, и в конце концов уговорили меня «попробовать». В 1922 году предстал я пред очи Леонида Сергеевича Вивьена на экзамене в Институте сценических искусств. Читал отрывок из драматической поэмы Алексея Толстого «Дон-Жуан». Волновался очень. Не знаю, как и дочитал, но Леонид Сергеевич доброжелательно улыбнулся. А вскоре я узнал, что зачислен прямо на второй курс института.

Так произошла смена путей в искусство. Артист Симонов победил живописца Симонова. С Академией художеств было покончено. Театральные же подмостки и киноэкран обрели мастера, который позднее предстал перед народом в тонко очерченных ролях Бориса Годунова и Протасова, Лаврецкого и Астрова, Петра Первого и генерала Чуйкова...

А как же с живописью, как с кистью, палитрой, красками? Неужели все это безжалостно вычеркнуто из жизни многое обещавшего художника?

Впрочем, бываем дома у прощавленного актера. Уже в маленькой прихожей на квартире Николая Константиновича вы ощущаете едва уловимые запахи масел, лаков, красок. Входите в одну из комнат, и вам сразу же бросается в глаза мольберт. На нем холст со свеженаложенными мазками. А на стенах ни одного свободного места. Картины, картины, картины. Тут и чудесные темперы, изображающие исто-

рические места ленинградских пригородов, и полные чарующей прелести пейзажи, портреты... Нет, Николай Константинович вовсе не расстался с палитрой. Каждую свободную минуту он проводит у мольберта. Именно здесь артист Симонов находит подлинный отдых.

Мы начинаем осмотр работ Николая Константиновича. Годы учения у Аркадия Александровича Рылова оставили благодатный след на мастерстве Симонова. Страстно любя природу, он чаще всего пишет пейзажи. Они насквозь пронизаны той тонкой поэтичностью, которую Симонов сумел впитать в себя в годы общения с учителем своим Рыловым.

Вот картина «Март». Ложатся на снег длинные фиолетовые тени деревьев, озаренных лучами заходящего солнца. Большие снежные сугробы. Но уже чувствуется приближающееся дыхание весны.

Особенно много пейзажей родной природы написано Николаем Константиновичем на Карельском перешейке. Здесь и причудливые зеркала озер, и зеленый шум лесов, и идиллически прикорнувшие у берегов утлые лодки, и разбойник-ветер, гнущий к земле тонкие стволы еще не окрепших березок...

Выезжает ли Симонов на гастроли, едет ли отдыхать на лоно природы, неизменно сопутствуют ему этюдник, краски, альбом, карандаши. А позднее, возвратившись домой, Николай Константинович увлекает этюды и зарисовки и принимается за большие полотна. Осматривая их, мы с радостью убеждаемся, что жив в артисте Симонове высокоодаренный живописец, что его картины достойны быть показанными на выставках работ наших художников.

Эд. АРЕНИН

На снимке: народный артист СССР Н. К. Симонов пишет одну из своих картин

Фото В. Цапкина

Воскресный Ленинград
24. V. 58.